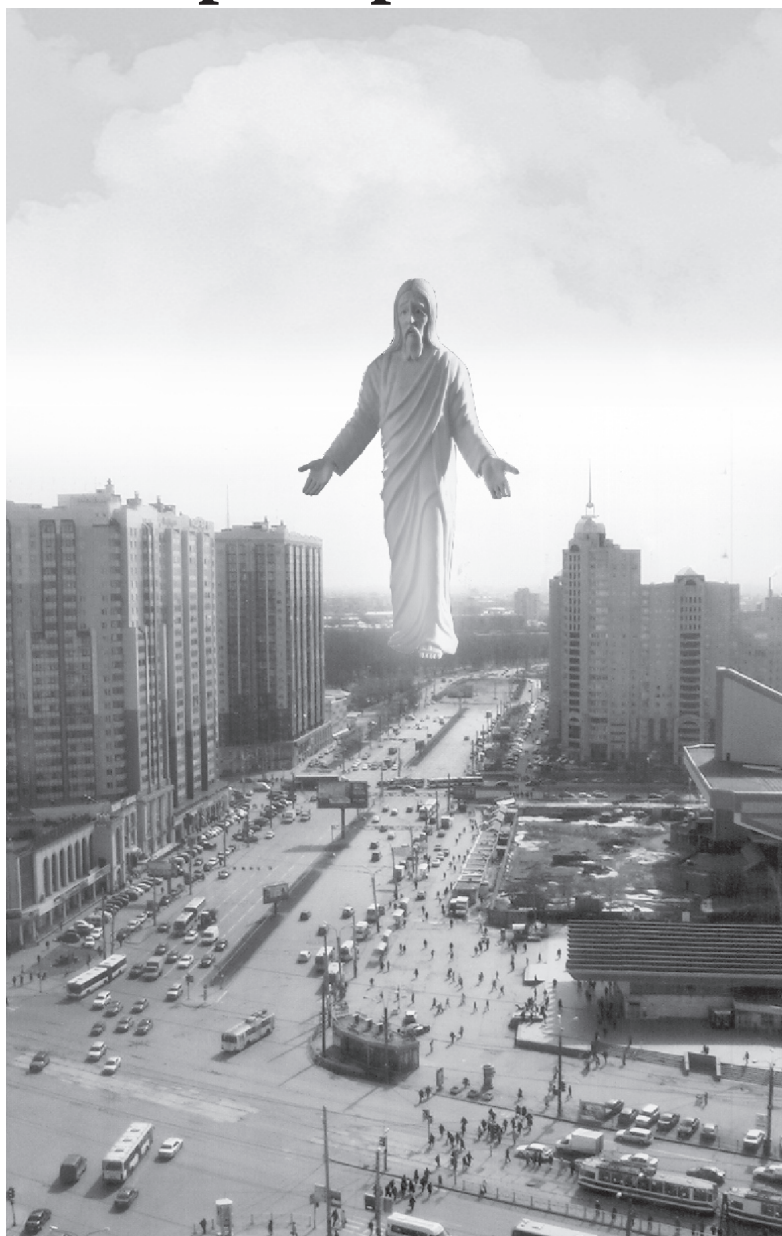

Второе пришествие

Огромная полуосвещенная сцена с темным задником. На сцене — городская площадь с атрибутикой Средневековья... Мертвенный свет исходит откуда-то сверху, озаряя мятущуюся внизу огромную толпу...

Звучит первая часть мистерии Орффа «Кармина Бурана». Тема Судьбы... Под звуки ударных — будто шквалы волн, возносится мольба хора.

В ритме музыки толпа вскидывает руки к мерцающему свету, движется то к центру, то откатывается вновь назад, оставляя в образовавшемся пустом пространстве одиноко стоящего в белой тунике человека. В отличие от толпы, он неподвижен. Он ждет.

Зал заполнен до отказа. В первых рядах выделяется элегантная дама. Строгая прическа, дорогое ожерелье. Рядом с ней — крупный мужчина лет пятидесяти. Когда он, улыбаясь, что-то шепчет даме на ухо, на его шее виден шрам. Дама никак не реагирует, ее взгляд устремлен на сцену...

Мерседес с затемненными стеклами отъезжает от высотного здания и направляется вдоль главного проспекта города. Следом за ним, не отрываясь, следует джип. При приближении мерседеса к перекрестку светофор меняет красный цвет на зеленый, и мерседес, а следом и джип без остановки двигаются дальше. После их проезда на светофоре снова красный цвет... На перекрестке двинувшиеся было автомобили снова тормозят, создавая аварийную ситуацию...

На сцене концертного зала продолжается действие...

Свет становится все ярче, и в его сиянии видно, как женщина в тунике с завязанными глазами медленно опускается вниз на колесе. Она огромна и величественна. Это — Фортуна. Судьба...

Колесо фортуны медленно вращается, и, под многоголосый стон, ликование и стенания хора она зависает над толпой.

Будто волны от брошенного камня, руки хора взметнулись вверх и, расходясь кругами, расступаются перед Фортуной. А она, оставаясь на огромном колесе, сопровождаемая раскатами грома, начинает медленное вращение, увлекая за собой покорную ей толпу.

Ее руки-крылья то вздымаются вверх, то опускаются, и хор покорно следует ее величественным жестам.

И только на первом плане человек стоит неподвижно, оглядывая колебание мятущейся толпы.

(По сюжету мистерии, — это человек, похожий на Христа, бросивший вызов Судьбе. Непокорный. Далее, по ходу развития сюжета, будет видоизменяться и финал мистерии.)

Тем временем возвышающаяся на колесе Фортуна почувствовала присутствие Непокорного. Она, с повязкой на глазах, начинает на ощупь приближаться к нему. Внезапно она выбрасывает руку с жезлом в направлении Непокорного. Гремит гром, сверкает молния...

Мерседес подбрасывает вверх, объятый дымом и пламенем он опускается на четыре колеса. Из джипа выбегает охрана, спешит к мерседесу...

А на сцене продолжается действо... Человек уклоняется от направленного в его сторону жезла. Фортуна продолжает медленно вращаться вокруг своей оси, и подвластная ей толпа, будто огромная воронка, начинает синхронно с ней свое движение — танец. Их совместное вращение становится все быстрее и быстрее, пока не замыкается над одиноким Непокорным, и тот исчезает в вихре этого живого смерча...

И тогда над толпой, в ее центре взметнулась Фортуна и, продолжая вращение, стала медленно возноситься вверх. С ее удалением затихают раскаты грома. Ликующая и стонущая толпа расступается, смешивается с темнотой, исчезает, а в центре опустевшего пространства в свете прожектора — неподвижно лежащий поверженный...

Павел Андреевич Крымов, человек далеко неординарный, о чем мы узнаем по ходу нашего повествования, любил уединение и музыку, преимущественно классическую. В настоящий момент он пребывал в ожидании неизбежного и близкого своего конца. Каждый раз, вернувшись из фотоателье, где он работал скромным фотографом (с его-то высшим филологическим образованием!) он включал проигрыватель, в зависимости от настроения ставил диск с классической музыкой, шел на кухню готовить себе скромный ужин, или садился за свое любимое занятие — составлять гороскопы... Год назад он имел несчастье составить гороскоп на себя. А, поскольку он был высоким профессионалом в этой области, то узнал

дату своей близкой смерти, уверовал в это и впал в депрессию. Что-бы никому не докучать, развелся с женой, ни к чему более не стремился, иногда втайне от бывшей жены встречался со своей дочерью и рядом с собой не мог представить другую женщину, да и смысла особого в этом не видел.

Сегодня, вернувшись с работы в свою однокомнатную квартиру на первом этаже, он подошел к календарю, взял фломастер и, зачеркивая число — одиннадцатое апреля 2012 года, заметил, что расстояние до другой цифры, помеченной черным кружком, осталось всего несколько дней...

Постояв в раздумье перед календарем, он двинулся в комнату, включил проигрыватель, поставил «Мечтая» Шумана, включил телевизор, и глядя на немые телевизионные картинки, предался единственному, оставшемуся в этой жизни времяпрепровождению...

Тем временем на экране телевизора диктора сменили документальные кадры, явно контрастирующие с элегическим звучанием доносящейся из проигрывателя музыки...

На экране — виденная нами улица у высотного дома, поверженный Мерседес, охрана, толпа зевак, милиция, «Скорая»... На первом плане возбужденный, крупный мужчина отвечает на вопросы телерепортера, рядом — врач в белом халате, милиция...

Не вставая с дивана, Крымов прибавил звук...

Телерепортер: Господин Бутурлин, еще один вопрос... Ведь это просто чудо, что вы остались целы и невредимы. На вас ни одной царапины.

Бутурлин: Никакого чуда. Просто у меня мой надежный мерс и моя охрана... Они меня еще никогда не подводили.

Репортер: Вы догадываетесь, кто и за что?

Бутурлин: Ну, за что, это понятно. Мой бизнес, — кто о нем не знает? А вот кто? Это можно будет вычислить.

Репортер: И что тогда?

Бутурлин: Что тогда? (Улыбается) Мы живем в правовом государстве. Есть структуры, которые этим займутся. Все! — И Бутурлин повернулся к медперсоналу.

Некоторое время Павел еще смотрел на мелькавшие с экрана картинки, затем поднялся, выключил телевизор, пошел на кухню готовить себе ужин...

Светилась пустая панель телевизора и густая шевелюра седых волос профессора.

Он сидел за столом и смотрел на лежащий перед ним исписанный и исчерченный лист бумаги. Внизу листа, под двойной чертой четко было выведено: 12 марта 2012 года.

— Софья! — позвал он. — Ты спишь?.. Софья!.. — снова позвал он...

— Ну, что тебе, полуночник? — В дверях спальни в ночной рубашке стояла заспанная седая женщина.

— Какое сегодня число? — спросил он.

— Одиннадцатое марта. А что случилось?

— Пока ничего. Спасибо. Иди спать.

— И из-за этого ты меня будил? — Она глянула на часы. Было три часа ночи. — Уже двенадцатое, — добавила она, — Ты тоже ложись.

Она подошла к телевизору, выключила его, скрылась в своей комнате.

— Да, я сейчас, — пробормотал он...

Зазвонил телефон. Профессор снял трубку.

— Слушаю... А кто это говорит?.. Гороскопы?.. На кого?.. Работаю... Не так скоро... Я вам ничего не обещал... Телевизор?.. Я не интересуюсь последними известиями... Вы знаете, сколько сейчас времени? До свидания...

Положил трубку, некоторое время сидел неподвижно, затем выдвинул ящик стола, вынул оттуда несколько исписанных цифрами и датами листов бумаги, нашел нужный. На нем в нижнем углу значилось число — 11 марта 2012 года. Отложил в сторону, потом просмотрел еще один, лежащий на столе лист, где сверху было написано: Чаликов Кирилл Анатольевич, — год рождения, месяц, день, час, и другие данные его и вероятно, его родителей. А внизу, под жирной черной чертой — дата: 15 марта 2012 года.

Профессор продолжал смотреть на исписанный лист, затем взял ручку, внизу приписал:

«Паша, составь на остальных. Дата их смерти? Проверь, кто такие. И будь острожен».

Поднялся, плотно прикрыл дверь в спальню, вернулся к столу, набрал номер телефона.

Павел уже спал, когда прозвучал телефонный звонок. Он открыл глаза, но снимать трубку не торопился. Включил ночник, глянул на лежащие на тумбочке ручные часы, только после этого снял трубку.

- Слушаю...
- Паша... — Профессор говорил тихо, прикрыв ладонью телефонную трубку. — Нам необходимо встретиться. Срочно.
- Простите, кто говорит?
- Это я...
- Борис Яковлевич? — удивился Павел. — Что-нибудь случилось?
- Ты смотрел последние известия?
- Смотрел.
- Приезжай срочно.
- Но уже три часа ночи. Как я к вам доберусь? Ведь вы живете...
- Ах, да, извини... Ну, тогда завтра... Да, вот что... Я тут оставил кое что для тебя. Если что, — Соня передаст. Приезжай завтра, только пораньше, есть разговор.
- Это имеет отношение к тому, что сегодня произошло?
- Не по телефону.
- Хорошо. Завтра я буду у вас.
- Только пораньше.
- Так серьезно?
- Кажется, да. Ты же знаешь, я фаталист. Так я жду?..
- Я могу приехать и сейчас.
- Нет, нет. Думаю, время терпит. До завтра. Прости, что разбудил.
- И трубка дала отбой.

Некоторое время Павел сидел в постели, затем снова лег, выключил свет, укрылся с головой одеялом...

На следующее утро Павел вышел из такси, расплатился с водителем, двинулся к одной из парадных. Там он увидел Скорую и милицкий газик. Предчувствуя неладное, подошел к Скорой.

— Что случилось?.. А?.. За кем Скорая?

Стоявшие рядом медсестра и водитель глянули на Павла, ничего не сказали, а подошедший милиционер строго сказал: «Проходите, гражданин».

Павел быстро вошел в парадную, не ожидая лифта, стал бегом подниматься по лестнице...

На звонок дверь открыл незнакомый Павлу мужчина. За его спиной маячила жена профессора. Она была растеряна и при виде Павла вдруг заплакала.

— Павлуша, дорогой, — и упала в его объятия.

Мужчина молча пропустил Павла и закрыл за ним дверь. Жена профессора и Павел уединились в спальне. Незнакомый мужчина вошел в кабинет, где за столом профессора другой человек в штатском заполнял протокол. Встретившись взглядом с вошедшим мужчиной, незаметно ему кивнул.

Рядом судмедэксперт складывал в чемоданчик свой рабочий инструмент.

Жена профессора лежала на кушетке, возле нее сидел Павел, держа в руках стакан воды.

— ...Он так ждал тебя, потом вышел погулять с собакой. — Говорила она. — Сказал, что встретит тебя на улице. Я ждала его, слышу — воеет мой Чапик. А тут соседи... Нашли его возле скамейки мертвым, и маленькая дырочка вот тут, — и она показала на затылок.

— Извините... — В дверях стоял человек в штатском, — А вы к профессору по какому делу? — спросил он Павла.

— Это его ученик, — за Павла сказала женщина, — любимый ученик.

— По какому делу? — повторил тот.

— Он просил меня приехать.

— Зачем?

— Он не сказал. Просто попросил приехать и все.

Они смотрели друг на друга. Почему-то Павел понял, что ничего лишнего он говорить не должен.

— Ваши документы.

— Уж не подозреваете ли вы, что я...

— Таков порядок... — Следователь взял документы Павла, просмотрел их, ушел в соседнюю комнату.

— Он оставил это вам, — тихо произнесла старушка, вынула из халата конверт и протянула Павлу.

Павел взял его, заглянул вовнутрь.

— Он оставил его на столе, будто предчувствовал, что не вернется. А они, — она понизила голос, шепотом закончила, — они тут все перерыли, хорошо, я его успела спрятать.

— Как давно он этим занимался? — Спросил Павел, вертя в руках конверт.

— Ты же знаешь, всю жизнь.

— Я говорю об этом конверте.

— Ах, это?.. Месяца два. Сперва он не хотел браться, но ты же знаешь, сколько он получал в своем институте, а тут такие деньги, даже аванс дали..

— А кто заказал эти гороскопы? Вы знаете заказчика?

— Понятия не имею. Его куда-то вызывали, он возвращался всегда расстроенный... Да, вспомнила! Неделю назад к нему приходил какой-то парень. Такой симпатичный блондин. Они закрылись в кабинете, о чем-то громко говорили. Боря возмущался, а тот что-то тихо говорил. Он мне не понравился. После его ухода Боренька был очень расстроен. А вчера, когда смотрел вечерние новости, вдруг сказал: «какой я дурак», потом сел за стол и до трех ночи..

— Вы про это рассказали следователю.

— Да, он все записал. Обещал выяснить, кто у него был.

— Я обязательно все это проверю. — И Павел спрятал конверт во внутренний карман пиджака.

— Конечно! Боря так и сказал, — если что — передашь Павлуше, пусть проверит.

— Можно вас? — в дверях стоял один из сотрудников.

Павел прошел в кабинет.

— Вот ваши документы и распишитесь вот здесь и здесь.

Павел спрятал документы, взял ручку, поставил подписи в указанных местах и тут на заваленном бумагами профессорском столе увидел исписанный лист, над которым ночью сидел профессор. Внизу заметил дату, подчеркнутую двумя линиями — 12-е марта 2012 года. Будто нарочно лист лежал на самом видном месте, и заметить его было нельзя.

Поймав взгляд Павла, следователь спросил.

— Что это такое?

Павел пожал плечами.

— Вы не знаете?

— Это его гороскоп, — наконец произнес он.

— Тут стоит дата — 12-е марта две тысячи двенадцатого года. Сегодня двенадцатое марта две тысячи двенадцатого года. Что это значит?

— Это значит, — наконец произнес Павел, — что он вычислил день своей смерти.

— А мы предполагаем, что его убили.

— Это не имеет значения.

— То есть, как это — не имеет значения? — удивился следователь.

— Он верил в предначертание судьбы. И, как видите, не ошибся.

— Но вы уверены, что его составлял сам профессор? Это его почерк?

— Абсолютно уверен. Я в этом немного разбираюсь. — Павел взял гороскоп профессора, стал внимательно его рассматривать, — Этот гороскоп составлял профессионал. А в этой области у нас профессионалов — раз-два и обчелся.

— И вы в том числе?

— Я его ученик.

— И многим он составлял гороскопы?

— Не в курсе. В последнее время мы с ним редко виделись.

Еще некоторое время следователь внимательно смотрел на Павла, будто решаясь о чем-то спросить, потом произнес.

— Хорошо. Свободны. Вы нам можете еще понадобиться.

— В каком смысле?

— В смысле свидетеля... Или консультанта. Да, и еще... Поскольку вы были близким ему человеком, скажите, вы кого-нибудь подозреваете?

— Понятия не имею. Мне кажется, у него не было врагов. Так что... ничем не могу вам помочь.

Следователь как-то странно посмотрел на Павла, затем протянул его паспорт.

— Спасибо. Вы свободны.

Сидя в такси, а затем в метро Павел рассматривал листы с гороскопами. На одном из них он прочел: Бутурлин Виктор Степанович и его данные — год рождения, месяц, день и т. д.

На другом листе прочел: Чаликов Кирилл Анатольевич, а в конце, обведенная черным фломастером дата «15 марта 2012 года». Сбоку нервным почерком: «Паша, составь на остальных. Дата их смерти? Проверь, кто такие? И будь осторожен»...

Когда Павел подходил к своему дому, заметил стоящего возле парадной человека. Увидев Павла, тот неуверенно двинулся ему навстречу.

Что-то тревожное шевельнулось в душе Павла.

— Вы Крымов?..

Перед Павлом стоял паренек лет двадцати и смотрел на него огромными, слегка испуганными глазами. Одну руку он держал в кармане куртки, другой пытался застегнуть молнию.

— С кем имею честь?..

— Вы от профессора?

— А вы что, тоже были там?

— Я? Нет.

— Тогда откуда вам известно, что я от профессора?

Парень промолчал.

— Хорошо. Я Крымов. Что вам нужно?

Парень огляделся. В это время дня улица была полупустой.

— Список, — наконец тихо произнес паренек.

— Какой список?

— Список гороскопов, что составлял профессор... — Парень продолжал внимательно следить за Павлом.

— Список гороскопов? — Павел двинулся к дверям своей парадной, — Да вы проходите. Что мы на улице...

Парень двинулся следом.

— За свою жизнь профессор составил много гороскопов, — на ходу говорил Павел, — Какие именно гороскопы и на кого вас интересуют?

— Павел пропустил гостя в квартиру, запер за ним дверь.

— Присаживайтесь. Мне что-то не по себе, я сварю кофе. Хотите?

— Спасибо.

— Парень остался стоять, по-прежнему держа одну руку в кармане. А Павел проверил в кипятильнике воду, воткнул штепсель в розетку.

— Вы были знакомы с профессором? — спросил Павел.

— Нет.

— Жаль. Это была феноменальная личность. Помимо преподавания в университете, занимался астрономией, уфологией, высшей математикой, член нескольких Академий. Он был фаталист и вычислил свою смерть с точностью до одного дня... Так я вас слушаю.

— А что, профессор умер? — парень был слегка смущен.

— Да. Его убили. Сегодня утром. Выстрелом в затылок. Разве вы не в курсе?

— Нет.

— Приготавливая кофе, Павел наблюдал за парнем.

— Его нашли на садовой скамейке мертвым. Непонятно, за что его могли убить? Ведь он никому не мешал, делал людям только добро... Не из-за гороскопов же, как считаете?... Это жестоко и несправедливо! Как всегда, у нас погибают лучшие. — И, обернувшись к парню, спросил, — Или я не прав?

— Да, но, вы говорите, он сам вычислил свою смерть.

— Теория и практика — разные вещи. И смерть смерти рознь. Вот вы, могли бы вы убить такого человека?

- Я? — Парень был обескуражен.
- Допустим, если бы вам приказали... Смогли бы?
- Смотря за что, — наконец выдавил паренек.
- А если бы было за что, смогли бы?

Парень молчал, с удивлением и любопытством глядел на Павла. Его рука невольно выползла из кармана. Вспотевшая ладонь протерлась по куртке.

— Да вы садитесь... Не знаю, как вы, я бы точно не смог. А что, если его действительно убили из-за этих проклятых гороскопов? Как вы считаете? Да вы присаживайтесь. Вам с молоком или так?

— Все равно.

Парень неуверенно двинулся к стулу, уселся на край стула.

— Так чьи гороскопы вам нужны? Профессор многим составлял гороскопы.

— Вы знаете чьи.

— Не знаю. Вы, собственно, от кого? От заказчика?.. Если бы я знал имя заказчика...

— Вы знаете, чьи. — Упрямо повторил парень. — Мне сказали, что они у вас и велели забрать.

— А если не у меня? Или не отдам?.. Тогда что велели?.. — Павел опрокинул большой палец вниз. — Угадал?.. Кладите сахар, вот печенье.

Парень промолчал.

— Когда я был у профессора, там целая бригада что-то искала. Может быть, эти самые гороскопы и искали? Может быть, их уже нашли, а с вами поторопились?

Парень снова ничего не ответил.

— Простите, вас как зовут?

— Кирилл.

— А по батюшке?

— Анатольевич.

— А фамилия?

— Зачем вам фамилия?

— Кирилл... Кирилл Анатольевич, — пробормотал Павел, что-то вспоминая. — А фамилия ваша Чаликов... Угадал? — Павел более пристально посмотрел на парня. — Скажите, Кирилл, а на вас никто не составлял гороскопа?

— Не знаю. Мы... Я хотел бы знать свой гороскоп, но.., — и парень замолчал.

— А зачем вам знать свою судьбу? Вы ведь так молоды?

— Как — зачем? Каждый должен знать, когда он умрет.

— Кто это вам сказал?

Парень снова промолчал.

— А вы знаете, как тяжело жить, зная дату своей смерти?

— Человек живет ради смерти. Он родился, чтобы умереть. — Как заученный урок ответил парень.

— Любопытная философия. А я, грешным делом, думал, что человек родился, чтобы жить. Но вижу, вы с этим не согласны?

Парень снова промолчал.

— А если бы я вам сказал, когда вы умрете? Ведь я — как ни как ученик профессора и тоже кое-что могу предсказать.

— Предскажите.

— А не боитесь?

— Н-нет.

— Хорошо. — Павел помедлил. — Вы можете умереть через три дня. Пятнадцатого марта. — Он наблюдал за реакцией парня.

Тот слегка побледнел, но старался не выдать своего волнения.

— Могу умереть или умру? — спросил парень.

И тут перед Павлом вспыхнуло и тут же угасло видение: огонь, искаженное от боли лицо парня и почему-то лицо его бывшей жены — Даши.

— Вы совсем не пьете кофе. — Сказал Павел.

— Вы не ответили.

Павел промолчал. Он смотрел, как парень взял чашку, сделал несколько глотков и закашлялся.

— Но вы можете избежать смерти. — Наконец сказал он, — Если будете остерегаться огня.

— Огня? — Парень вскинул на Павла свои испуганные глаза.

— Мне так показалось. Но все это может быть и ерундой. Вы молоды, здоровы, и рано вам думать о смерти. Поверьте, ничего хорошего и прекрасного в смерти нет.

— А вы что, боитесь ее?

— Боюсь? — Павел усмехнулся. — Смерть неизбежна. Но я твердо знаю, что сегодня я не умру. Это случится немного позднее.

— И вы знаете когда?

— Естественно. По глупости, я составил на себя гороскоп.

— И когда?

— Через неделю.

— И знаете, какой смертью?

— Вот этого никто не знает, кроме тяжелобольных и теперь вас, Кирилл. Да, и передайте тем, кто вас послал, что у меня нет никакого списка гороскопов... Почему вы не пьете кофе?.. Что, не хотите? Тогда до следующей встречи.

И Павел протянул парню руку.

Парень не знал, как поступить, потом встал, неуверенно протянул свою. Павел крепко ее пожал.

— Не забудьте про огонь... — И Павел открыл перед ним дверь.

Некоторое время парень стоял у дверей и глядел на Павла. Через куртку было видно, как он взял пистолет в ладонь, хотел его снова вынуть, но рука его почему-то остановилась, замерла... Затем он быстро открыл дверь и скрылся за ней.

Павел сел в кресло, смотрел на дверь, куда только что ушла его Судьба, затем набрал номер телефона...

Когда на другом конце сняли трубку, произнес.

— Даша, это я, Павел... Нет, ничего такого... Да нет... Просто я хотел тебя предупредить... Нет, это не повод, я совсем о другом... Мне показалось... Я видел костер и... Ладно, пусть я мистик, фаталист, сумасшедший, но ты будь осторожна... Я не про электричество, а про костер!..

Вероятно, на том конце положили трубку, и Павел еще некоторое время сидел, о чем-то размышляя...

Разделенная перегородкой, небольшая комната в фотоателье. Павел сидит у компьютера, нажимает на клавиши. На экране в ряд появляются квадратики фотографий с флэшкарты. Заглядывая в список с номерами, увеличивает портрет крупной, пожилой женщины, некоторое время пристально изучает ее жесткое лицо, корректирует цвет, затем пересылает изображение на принтер, вставляет лист фотобумаги, и через некоторое время из щели выползают фотографии нужного размера...

Из приемника слышен голос диктора.

Передают последние известия по стране и в мире. Известия в основном неутешительные: мировой финансовый кризис, безработица, радиация, волнения и забастовки. Не намного утешительнее дела в России.

В другой комнатке, освещенный двумя лампами, в кресле — очередной клиент. Сухонький старичок подправляет свет, приподнимает клиенту подбородок, делает снимок, второй...

Входит Павел, держа в руках фотографию женщины. Когда очередной клиент покинул ателье, говорит своему коллеге.

— Семеныч, если вдруг появится без меня, не отдавай эти фотографии.

— Что, брак?

— Да нет, с этим все в порядке.

— Тогда что? — Семенович недовольно смотрит на Павла, — Теперь уже по фотографии? — Он взял из рук Павла снимки женщины, стал их рассматривать.

— Да нет. Это еще когда я ее фотографировал, мне показалось...

— Что тебе показалось?

— Ничего особенного. Но...

— Что — но?.. — И, не дождавшись ответа, добавил, — И что прикажешь ей сказать? Нас и так со дня на день могут выгнать, еле еле дебет с кредитом, а ты со своими фокусами. Ты один, можешь себе позволить, а у меня семья, дети, внуки, и ничего другого я не умею... — И, возвращая фотографии, в сердцах добавляет. — Ну, если ты без этого не можешь, открой свое дело и занимайся им в свое удовольствие. У тебя диплом, высшее образование и такой талант!

— Но ты же сам говоришь, что я классный фотограф. И ты без меня...

— Вот и занимайся фотографиями и не лезь туда, куда тебя не просят. Снова хочешь вляпаться?

— Ты прав, Семеныч. Тысячу раз прав. Больше не буду. Честное пионерское! — И стал одевать куртку. — Я к дочке. Туда и обратно.

— Так тебя там и ждали! — вдогонку проворчал Семенович.

Павел топтался возле высокой решетки, отделяющей школьный двор от улицы, поглядывал на закрытые школьные двери. Было холодно, Павел поежился, переступал с ноги на ногу. Но тут двери открылись, и гурьба ребят с шумом, гамом устремилась на уличный простор. Павел отошел в сторону, давая пройти ребятам, поглядывал то на улицу, то на школьные двери.

Наконец на крыльце показалась его дочь Татьяна, девчонка лет десяти, увидела отца, замахала сумкой, устремилась к нему. Они обнялись, молча смотрели друг на друга, улыбались.

— Как ты? — наконец спросил Павел.

— Я нормально, а ты?

— Я тоже...

— Сколько двоек?

— Ты что?!

— Извини, забыл, ты же вся в меня.

И они, снова молча, улыбаясь, смотрели друг на друга.

Неожиданно послышался автомобильный сигнал.

На противоположной стороне улицы стоял черный БМВ с затемненными стеклами. Сигнал повторился, но из машины никто не вышел.

— Подождут, — нахмурилась Таня. Глянула на отца, неожиданно произнесла, — Давай, погуляем!

— А как же мама? Она ждет тебя.

— Ну и что? А ты мой папа, и я редко тебя вижу.

— А он... тоже там?

— Не знаю. Иногда вдвоем приезжают. Пошли? — и взяла его за руку.

Павел сделал в сторону машины извиняющий жест, и они, держась за руки, пошли вдоль тротуара.

Некоторое время БМВ стоял на месте, затем медленно двинулся следом...

Павел с дочкой шли, не разнимая рук, о чем-то весело переговаривались, не обращая внимания на двигавшуюся следом машину. Внезапно БМВ обогнал их и резко затормозил. Открылась дверь, и оттуда вышла женщина, устремилась через дорогу к дочери. Подбежав, ухватила Таню за свободную руку, потянула к себе.

— Даша, ты что? — сказал Павел.

Она никак не отреагировала на него, будто его тут и не было вовсе.

— Что это значит? — Напустилась она на дочь, — я тебе мать или?.. Быстро в машину!

— Мамочка, ну, что ты? Мы сами дойдем, пешком, а вы поезжайте.

— У тебя через полчаса гимнастика! Хочешь, чтобы отчислили? — И, глянув на Павла, добавила, — А ты? Ты же сам, своими руками... А теперь?.. Может, опомнился?.. Поздно, будь мужчиной... И не спекулируй на чувствах дочери.

— Мама! — Остановила ее дочь.

— Что — мама?.. Быстро в машину! — и Павлу, — Что смотришь? У нее расписание.

Оставив отцовскую руку, Таня поплелась к машине. Отворилась дверца, и она, махнув на прощание рукой, скрылась за темными стеклами.

— Даша, она уже взрослый человек. Зачем ты так? — тихо произнес Павел.

— Как — так? Хватит! Если с отцом у нас не повезло, так пусть хоть из нее получится нормальный человек. И прошу — если ты еелюбишь, оставь нас в покое!

— Я и оставил.

— Вот и прекрасно! Чего тебе еще от нас нужно? — Она с ненавистью посмотрела на Павла, затем заспешила к машине.

Хлопнула дверца, и БМВ, мягко набирая скорость, скрылся вдали...

Павел стоял, глядя вслед удаляющейся машине, потом поднял ворот куртки и поплелся в обратную сторону...

Ехали молча. На переднем сиденье рядом с водителем — солидный мужчина средних лет, на заднем — Даша с дочерью.

— Через полчаса я должен быть в посольстве, — наконец произнес мужчина.

— Вот видишь, ты даже поесть не успеешь, — сказала дочери мать.

— А я в школе поела. И вообще, перед тренировкой не едят, — ответила Таня.

— К восьми я освобожусь, — сказал мужчина. — Что у тебя сегодня?

— Надо съездить на дачу, кое-что забрать.

— Прислать машину?

— Спасибо, на электричке быстрее. Я туда и обратно.

— Рано темнеет, все-таки лесом.

— Не в первый раз. Успею. Хоть свежим воздухом подышу.

С бутылкой молока в руках Павел задержался у книжного киоска... Рассматривал корешки газет.

— Вот, новинка, Павел Андреевич, — подсказал старенький киоскер и протянул тоненькую книжицу. — «Гороскопы великих людей». Там много любопытного и стоит копейки.

Павел взял книжку, пролистал, отсчитал деньги, сунул ее в карман.

Семенович сортировал фотографии, раскладывая их по конвертам и делая на каждом пометки, а Павел, жуя печенье и запивая его кофе, громко читал только что купленную книжку.

— «...Юлий Цезарь был в раздумье. Два предсказания. Какое из них верно? Сивилла пророчествует, что прежде чем появится шанс победить парфян, в Риме снова должен править император. Астролог Мехмет Аудин утверждает, что Цезаря ждет гибель, если

он «сломает хребет республике» и провозгласит себя императором. Цезарь сомневается. Что для него важнее? Трон или победа над врагом? В последнем случае его народ будет вспоминать о нем с благодарностью. Тем более что в случае победы он обещал каждому по несколько сот сестреций. Цезарь делает переворот, становится императором, а через несколько дней в здании сената его друг и соратник Брут открыто убивает его. Предсказание астролога сбывается. Впрочем, предсказание Сивиллы тоже. Племянник Цезаря и его прямой наследник Октавиан возродит императорское правление а Риме».

Павел отложил книжку, принялся за кофе с печеньем.

— А как с парфянами? — спросил Семенович, — Он их победил?

— Тут об этом ничего не сказано, но насколько я помню, после смерти Цезаря римлянам было не до парфян.

Отворились двери ателье, и в нее с шумом, визгом ввалилась группа цыганят. Командовала «парадом» молодая симпатичная цыганка. Пока дети расползались по ателье, цыганка подошла к столу, протянула квитанцию. Кто-то из малышей подошел к Павлу, без стеснения стал в упор его рассматривать. Остальные сгруппировались вокруг Семеныча. Он искал конверт заказчицы. Найдя, протянул цыганке. Окруженная плотным кольцом сородичей, она уселась в одно из кресел, вынула из конверта фотографии, стала их рассматривать, передавая их остальным. Комментарии, смех узнавания, довольства и недовольства на цыганском и русском попеременно...

— А это что за уродина? — послышался возглас цыганки... Она рассматривала свои фотографии. — Эй, фотограф, как тебя? — она обращалась к Павлу, — ты считаешь, что это я?.. — И к своим, — нет, вы посмотрите, это что — я?.. Да я такой в старости не буду, а мне еще тридцати нет... — И добавила какое-то ругательство на цыганском языке, — Чего молчишь, фотограф? — она подошла к Павлу.

Тот, не вставая, взял из ее рук фотографии, стал рассматривать.

— Вполне симпатичная девушка, — наконец заключил он, — молодая и даже очень красивая. — И хотел вернуть ей фотографии.

Его похвала явно ей польстила, но она не хотела сдаваться.

— Какая девушка? У меня вон сколько детей. Ты мне лапшу на уши не вешай, фотограф!..

— Что — все твой?

— Мои — не мои... Наши.

— И дети у тебя симпатичные. Разве с такими нельзя быть молодой и красивой? — не сдавался Павел.

— Да ты посмотри на меня и на твои фотографии. Где тут красивая? Где тут молодая? Так я могу и с мобильного снимать.

— Ну, в жизни вы вообще красавица, просто не очень фотогеничны, — пытался ее успокоить Павел.

— Да я такой буду в семьдесят лет, — не сдавалась цыганка.

— Успокойся, до семидесяти ты не доживешь, — в сердцах произнес Павел, и что-то смутное и тревожное мелькнуло перед ним.

— Не доживу? Откуда знаешь? Эй, фотограф!.. Тебя спрашиваю!

— Это шутка, — улыбнулся Павел, но было видно, что он не шутит.

— Какая шутка? Так шутят, да? Это совсем не шутка. Я знаю.

— Если знаешь, зачем спрашиваешь?

— Я знаю, а ты откуда знаешь? — Она подошла вплотную к Павлу, стала рассматривать его более внимательно. — А ты мне интересный, фотограф.

— Конечно, — улыбнулся Павел, — я мужчина хоть куда.

— Ну, какой ты мужчина, не знаю, а человек ты интересный. Я тебя уже видела. Да? Где я видела тебя?

— В мечтах, — подсказал Павел.

— В каких мечтах? — не поняла цыганка.

— Может быть, я мужчина твоей мечты, — пошутил Павел.

Цыганка рассмеялась.

— Я же тебя снимал, забыла?

— Всех вас не упомнишь... — Потом неожиданно спросила. — Тебя как зовут, фотограф?

— Павел. А тебя?

— Меня Настя. Дай руку.

— Зачем?

— Погадаю.

— Спасибо, не надо.

— А-а, что спасибо! Дай руку, погадаю. Такой ты интересный! Всю правду скажу.

— Спасибо, я и так все про себя знаю.

— Разве может человек про себя все знать? Дай руку, не бойся, не откушу. Денег не возьму. Разве что вот, детям на конфеты. Ну?..

Она ждала.

Обступившая их стайка цыганят, глядя на Павла, посмеивалась.

— Ну, если тебе так хочется... — наконец произнес Павел и протянул ей свою руку.

— Какая красивая рука! — Начала цыганка, взяв его руку в свою, — красивая рука мужчины, сколько на ней путей -дорожек, —

и перевернула руку ладонью вверх. — А линии на ней... — тут она замолчала, всматриваясь в линии на его ладони, затем подняла глаза, с испугом посмотрела на Павла, затем снова на его ладонь.

— Чего испугалась? — усмехнулся Павел, — или что увидела?

— Увидела, — тихо произнесла она.

— И что же ты увидела?

— Ничего я не увидела! — Ответила цыганка и бросила его руку, будто обожглась.

— Испугалась?

Цыганка не отвечала, напряженно смотрела на Павла.

— Так ты знаешь?.. — Наконец выговорила она.

— Все это сказки, ерунда. Успокойся.

— Сказки? — Повторила она и стала пятиться от него. Затем развернулась, что-то крикнула своим детям по-цыгански.

Притихшие цыганята зашумели и, с опаской оглядываясь на Павла, устремились к выходу.

— Рад был познакомиться, Настасья! — вслед ей крикнул Павел.

— А я нет! — И она выскочила на улицу.

— Ну, ты фокусник! — Восхитился Семенович. — Думал, потребует переснимать. Чем это ты ее напугал?

— Да так, суеверия, — произнес Павел, рассматривая свою ладонь.

Дачный поселок был погружен в зимнее безмолвие. Вдоль домов вилась узкая, изрядно подтаявшая от весенних лучей тропинка. И вокруг — ни души!

Даша выключила свет в сенях, вышла на крыльцо, заперла двери дачи на ключ, спустилась с крыльца, по тропинке вышла за калитку и направилась вдоль улочки к лесу.

Вечерело. Дорога была знакомая, вокруг тишина и покой, и она, держа в руке сумочку, не торопясь, шла вперед, вдоль опушки леса, дыша полной грудью и мурлыча себе под нос. Неожиданно остановилась. Прислушалась. Издали доносились глухие удары то ли барабана, то ли тамтама. Сквозь лесную чащу вдали заметила мелькание огня.

Даша глянула на небо, на свои ручные часики, и, проваливаясь своими сапожками в неглубокий снег, неуверенно двинулась на огонек, благо, что тропинка в том направлении была уже протоптана. Через некоторое время снова остановилась, прислушалась. Барабан гремел все громче, и ритм его ударов все учащался. Даша осторож-

но двинулась дальше, и вскоре вдаль увидела много человеческих фигур. На фоне разгорающегося костра движущиеся силуэты казались черными. Над костром темнела человеческая фигура...

К дереву был привязан парень. (Тот, что приходил к Павлу за гороскопами.) Он с ужасом смотрел вниз на огонь, который уже стал лизать его ноги. Он пытался ими шевелить, но они, как и все тело, были крепко привязаны к дереву. Из последних сил он сдерживался, чтобы не закричать.

Стоящий напротив него симпатичный блондин с голубыми глазами смотрел на него, что-то ему говорил, успокаивал, но когда вспыхнули резиновые подошвы, парень не выдержал, и его крик эхом разнесся по притихшему лесу.

Даша вздрогнула. Отступила назад. Под ней треснула ветка.

За этим ритуалом наблюдал еще один человек. Это был человек со шрамом, кого мы видели на представлении мистерии. Услышав треск ветки, он обернулся, увидел Дашу. Но не торопился что-либо предпринять.

А привязанный парень уже выл, не переставая, затем его крик внезапно прекратился. Тут же прекратились звуки барабана. Было слышно лишь потрескивание костра да гомон собравшейся возле огня толпы. Пламя костра, поднимаясь все выше и выше, вскоре охватило всю человеческую фигуру, и, казалось, с алчностью лизало обмякшее, безжизненное тело. Над головой жертвы виднелась табличка, на ней было что-то написано. А вокруг костра люди уже образовали нечто, вроде хоровода, они дружно скандировали, что-то выкрикивали, срывали с себя одежду и, оставшись, в чем мать родила, впрыгивали в горящий костер, плясали там, затем выскакивали, скакали, топтались в снегу.

Даша почувствовала тошнотворный запах паленого мяса.

Засмотревшись на это дикое, средневековое зрелище, она не заметила, как стоящий неподалеку мужчина медленно, чтобы не спугнуть, двинулся в ее сторону. Она услышала скрип снега от его шагов, поняла, что обнаружена, бросилась бежать прочь. Мужчина бросился следом за ней. Поняв, что ее догоняют, Даша побежала еще быстрее, на ходу доставая что-то из сумочки. Погоня длилась недолго. Вскоре мужчина настиг ее, толкнул в спину, и она распласталась на снегу. Он навис над ней, схватил ее за плечо, повернул лицом к себе. Даша увидела потное разгоряченное лицо, сверкающие глаза и шрам на шее, под которым пульсировала вена... Кричать и звать на помощь было бессмысленно. Она молчала, ждала,